

7. СТАРЕЙШИНА И СУДЬЯ

Главный урок, преподаваемый в этом градусе, — СПРАВЕДЛИВОСТЬ в принятии решений и в суждениях о жизни и отношениях с другими людьми.

В любой стране, в которой признан суд присяжных, каждого нормального человека могут в свое время попросить выступить в роли такового, то есть, в конечном счете, в роли своего рода судьи, по вопросу ли только факта признания вины, или также и по вопросу определения меры наказания; в этом случае ему приходится принимать на свои плечи весь груз ответственности, связанной с этим постом.

Все те, кому дана власть творить правосудие, должны каждое дело рассматривать честно и беспристрастно, без оглядки на власть предрешающих, на деньги богатых и нужду бедных.

Это основное правило, в истине которого никто не станет сомневаться, хотя многие и обходят его. Но это еще не все, что следует сделать. Нужно отделаться также и от всех предрассудков и склонности к поспешным выводам. Нужно терпеливо выслушивать, точно запоминать, тщательно взвешивать факты и доводы, представленные суду. Не нужно поспешно бросаться делать выводы или формировать собственную точку зрения до того, как выслушано все, что можно было выслушать. Нельзя заранее подозревать всех в совершении преступления и мошенничестве. Нельзя позволять управлять собой ни самовлюбленной гордыне собственного мнения, ни взглядам или доводам других людей. Делая вывод о мотивах по результатам анализа совершенного действия, нельзя заранее приписывать действию мотивов ни самых высоких, ни самых низменных, но лишь такие, какие каждый по справедливости мог бы приписать себе самому, соверши он точно такой же поступок; также не должен он надеяться на то, что многие мелкие обстоятельства, не весящие ничего по отдельности, будут весить много, если их собрать вместе, особенно если это делается им, чтобы лишний раз доказать собственную твердолобость и склонность к крючкотворству. Этим правилам должен четко следовать каждый присяжный.

В нашем общении с другими людьми могут возникать два вида несправедливости: первый — несправедливость тех, кто наносит ущерб, и второй — несправедливость тех, в чьей власти отворотить нанесение ущерба от тех, кому он наносится, и которые, тем не менее, не делают этого. Таким образом, активная несправедливость может быть причинена двумя способами: силой или подлогом, где сила подобна льву, а подлог — лисе, и оба эти способа противны общественному долгу, хотя подлог более отвратителен.

Любое зло, причиняемое одним человеком другому, задето ли в этом случае здоровье человека, его собственность, счастье или репутация, — в любом случае есть преступление против закона справедливости. Следовательно, поле исследований данного градуса весьма обширно и серьезно; масонство постоянно ищет наиболее эффективные пути претворения в жизнь закона справедливости, самые лучшие средства предотвращения зла и несправедливости.

Масонство учит одной непреходящей истине: если зло или несправедливость уже причинены, сделанного не воротишь; они вечно

живут в своих последствиях; будучи совершенными, они неразрывно связываются с невозвратимым прошлым; однако в самом зле, в самой несправедливости уже содержится их неотвратимое наказание, как в желуде содержится взрослый дуб. Их последствия — это их кара, другой им не нужно, поскольку никакая иная кара не будет тяжелее этой; они неотделимы от своих последствий. Зло, причиненное другому, есть преступление против нашей собственной природы, преступление против наших собственных душ, это искажение образов Красоты и Добра. Наказание — это не исполнение приговора, а просто одно из неизбежных последствий. Оно должно следовать за проступком не по приговору Господа как Судии, а по закону, установленному Им как Творцом и Законодателем Вселенной. Это не искусственное волевое дополнение, а обычное и логическое следствие; посему его должен нести провинившийся, чтобы через него о мере этого наказания узнавали другие; это решение — плод беспредельной справедливости Господа, изложенное в форме закона.

В исполнение естественных последствий наших неправедных действий нельзя вмешаться, от них невозможно спастись, их нельзя смягчить; Господь не встанет между причиной и следствием, и в этом смысле не существует отпущения грехов. От действия, которое нанесло удар нашей душе, можно отвернуться, в нем можно раскаяться, но удар уже нанесен. Ущерб от этого удара можно уменьшить последующими действиями, это пятно можно вывести, пусть только более суровыми страданиями и более ожесточенной борьбой, но сила и твердость души, которые могли помочь ей подняться на еще большую нравственную высоту, в этом случае бывают израсходованы на восполнение утраченного. Нужно глубоко осознавать четкую границу между теми, кто решил закончить творить зло, и теми, кто уже сотворил добро.

Наверняка более пристально следят за своими поступками, в которых они тоже гораздо осторожнее, те, кто верит, что эти поступки влекут за собой целую череду естественных последствий, если, правда, при этом не было постороннего вмешательства, — чем те, кто полагает, что раскаяние и прощение способны в любой точке прервать цепь последствий. Естественно, мы бы творили значительно меньше зла, если в наших душах родилось и укоренилось бы убеждение, что все сделанное сделано необратимо и что даже Всемогущество Господа не может заставить что-либо уже совершенное «развершиться», что каждое наше действие должно принести положенные ему в соответствии с вечными и неизменными законами Природы плоды, — эта истина должна быть навечно запечатлена на скрижалях Вселенной.

Если вы поступили дурно по отношению к другому человеку, вы можете сожалеть, раскаиваться и четко решить для себя никогда не повторять такого проступка в будущем. Вы можете также, насколько это возможно, возместить ущерб. Это хорошо. Сторона, которой вами был нанесен ущерб, может простить вас, в том смысле, который предлагает человеческий язык; но дело сделано, и все силы Природы, даже если они пожелают встать на вашу сторону, не смогут изменить однажды совершенное; последствия для тела, последствия для души, пусть даже никто их и не замечает, уже имеют место, они уже записаны в анналах прошлого и обречены на то, чтобы бесконечно отзываться эхом в настоящем и будущем.

Раскаяние в совершенном зле приносит, как и любое действие, свои

плоды; эти плоды — в очищении сердца и исправлении будущего, но никак не в изменении прошлого. Совершение дурного поступка — необратимое действие; однако оно не лишает душу возможности поступать хорошо в будущем. Его последствия неуничтожимы, но оно не обязывает человека следовать в будущем тем же курсом. Совершенные зло и несправедливость, пусть и непоправимые, должны вызывать не отчаяние, но желание приложить больше усилий, чем ранее. Раскаяние тоже не теряет своего значения, но для улучшения будущего, а не исправления прошлого.

Даже колебания воздуха, однажды вызванные человеческим голосом, не перестают существовать после того, как дают начало звукам. Быстрое затухание этих сигналов вскоре делает их неслышимыми для человеческого уха. Но возбужденные ими звуковые волны пересекают необъятные пространства суши и мирового океана, и менее чем за двадцать часов каждый атом атмосферы перенимает их измененное движение, начало которому было положено тем минимальным действием примитивной силы, которое было передано ему по миллионам мельчайших каналцев и которое будет влиять на все его развитие в течение всего его будущего существования. Воздух — это бесконечно огромная библиотека, на страницах книг которой навечно запечатлевается все, что человек когда-либо проговорил или даже просто прошептал. Именно там, в изменяющихся, но безошибочно распознаваемых знаках, смешанные с самыми ранними, равно как и с самыми поздними словесными проявлениями смертной души, хранятся невыполненные клятвы, несдержанные обещания; все мельчайшие частицы одновременно находятся в непрерывном движении, — свидетели изменчивой воли человека. Господь читает эти книги, в то время как мы этого не можем сделать.

Таким образом, земля, воздух и мировой океан — вечные свидетели всего творимого нами. Ни одно движение, вызванное естественными причинами или человеческой деятельностью, не забывается. След каждого кия, когда-либо бороздившего поверхность океана, навсегда остается в памяти всех частиц любого происхождения, которые впоследствии могут занять его место. Каждый преступник, по закону Всевышнего, навечно и неотвратимо прикован к своему преступлению, поскольку каждый атом его смертной оболочки, несмотря на все изменения, которые могут претерпеть ее отдельные частицы, сохранит, невзирая на все возможные пертурбации, некоторое движение, порожденное тем самым мускульным усилием, посредством которого было совершено само преступление.

Что если наши возможности влиять на будущую жизнь простерлись бы вширь настолько, чтобы дать нам силу воспринимать и проследивать последствия наших праздных слов и плохих деяний, а также делать наше сожаление и раскаяние такими же вечными, как и сами эти последствия? На возвышенный разум не может быть наложено наказание тяжелее, чем наблюдать в действии и совокупности порождаемых одно другим последствий то, причиной чему послужило его собственное действие несколько веков назад.

Масонство, по его учению, ставит своей целью удержать людей от совершения несправедливостей и неправедных и злонамеренных действий. Хотя оно и не намеревается узурпировать место, принадлежащее религии, все равно его нравственный кодекс зиждется на иных принципах, нежели светское законодательство; оно порицает и наказывает также и проступки,

которые ненаказуемы по этому законодательству и не порицаются общественным мнением. По масонским законам, жульничество и мошенничество в торговле, в юриспруденции, в политике считаются не достойнее простой кражи; откровенная ложь — не честнее уголовно наказуемого подлога; клевета — не утонченнее кражи со взломом; соблазнение невинности — не менее отвратительным, чем убийство.

Особенно же оно порицает те порочные деяния, в которых преступник понуждает участвовать других. Он может сожалеть; он может — пусть и после изнурительной борьбы — вновь ступить на путь добродетели; его дух может снова обрести чистоту, пусть и через лишения, непременно сопровождающие усилия, направленные на обновление; но более слабое человеческое существо, которое он увлек на путь порока, на которое он возложил часть своей вины, но которому он не в состоянии отдать часть своего раскаяния и исправления, чей путь вниз (первый шаг которого был сделан под его руководством) он не в состоянии пресечь, но вынужден постоянно наблюдать, — на какое отпущение грехов может он здесь рассчитывать? В этом его постоянное, его неизбежное наказание, которого не снимет никакое раскаяние и никакая милость каких бы то ни было сил.

Давайте также будем справедливы в суждениях о мотивах действий других людей. Мы в действительности мало что знаем о том, что выгодно и что невыгодно другим людям. Никогда нельзя утверждать, что, например, тот человек лучше этого, и тем более, что этот человек очень хорош или наоборот, очень плох как таковой. Зачастую даже самые низменные из людей умирают, оставляя по себе славу кристально честных. Вряд ли среди нас есть хоть один человек, который за свою жизнь хоть один раз не находился бы на грани совершения преступления. Каждый из нас, оглянувшись с содроганием, может вспомнить те моменты, когда стоял на скользком склоне, нависающем над пропастью греха; когда — будь искушение хоть чуть сильнее или действуй оно чуть дольше, прижми нас чуть покрепче нужда или выпей мы чуть больше вина, помутняющего рассудок, лишаящего нас возможности здравого суждения и выдвигающего на первый план наши низменные страсти, — мы поскользнулись и неизбежно пали бы, чтобы никогда более не восстать.

Мы можем, наверное, сказать: «Этот человек солгал, украл, совершил подлог, растратил доверенные ему деньги, а тот человек, напротив, прожил жизнь с чистыми руками». Но мы не можем утверждать, что первый из этих людей не боролся, пусть и безуспешно, против искушений, под влиянием которых второй из них пал бы без борьбы, встретясь они на его жизненном пути. Мы можем утверждать, у кого наиболее чистые руки перед лицом Рода Человеческого; но никак не можем мы утверждать, кто обладает наиболее чистой душой пред лицом нашего Господа. Мы можем утверждать: «Вот этот человек совершил прелюбодеяние; а вот тот человек прожил жизнь, не совершив этого греха». Но мы не можем утверждать, происходила ли невинность первого из этих людей от холодности его сердца, от отсутствия мотива, от присутствия страха, или от недостаточности искушения; не можем мы утверждать и того, что падению второго предшествовала неопишуемая внутренняя борьба между всепобеждающей страстью и вседерживающим осознанием будущего раскаяния. Щедрость, равно как и скупость, могут быть уступками природному темпераменту; и в глазах Господа долгая и щедрая жизнь

одного человека, которая стоила ему немногих усилий и редких настоящих жертв, соответственно, немного прибавила к его добродетели и стоит меньшего, нежели всего несколько редких щедрых поступков, на которые чувство долга и сострадания вынудило кого - то другого, по природе своей, сдержанного и скупого. Даже в жизни, полной греха, позора и падений, может быть больше заслуг, больше самоотверженных усилий и самых достойных стихийных проявлений нравственного величия, нежели в жизни, которая всегда казалась нам самой что ни на есть праведной.

Когда мы выносим приговор падшим или сочувствуем им, откуда нам известно, что, подвергшись мы таким же искушениям, которым подверглись они, мы не пали бы точно так же, как пали они, и возможно, после еще менее продолжительного сопротивления? Откуда мы можем знать, что предприняли бы мы сами, окажись мы без работы, будь мы исхудалыми, голодными, мерзнущими у нетопленного очага, а наши дети просили бы у нас хлеба? Мы не пали, потому что не встретили в своей жизни достаточного искушения! Тот же, кто пал, может быть, в душе не менее достоин, чем мы. Откуда мы знаем, что наши сестры, дочери, жены смогли бы противостоять бедности, покинутости всеми, страданиям, позору, лишениям и искушениям, против которых не устояли их несчастные падшие сестры? Возможно, и они не пали лишь потому, что не подвергались в своей жизни настоящим жестоким искушениям! Как мудро указание молиться за то, чтобы Бог не ввел нас во искушение!

Человеческое суждение никогда не должно быть незыблемым. Сколько убийств было совершено по суду вследствие простого невежества или безумия судей! Сколько убийц было повешено по приговору суда, среди которых истинных, природных, убийц было не больше, чем среди присяжных или судей, выносивших им приговор! Закономерно возникает сомнение, не является ли судопроизводство любой страны огромным институтом произвола и несправедливости. Господь видит и то, что недоступно взору человека; и даже самый последний преступник, как бы черен он ни был в глазах общества, пред Его лицом обладает каким - то мельчайшим лучиком света, мерцающим в уголке его души; однако это тот самый лучик, который давно бы уже погас в душах многих из тех, кто ныне гордо прохаживается в непреходящем свете мирской славы, подвергшись они тем же испытаниям, каким подвергся этот несчастный отверженный.

Мы не познали даже внешней жизни человека. Мы не имеем права даже высказывать суждения о его поступках. Мы не знаем и половины всех деяний порока или добродетели, совершенных нашими самыми близкими людьми. Мы даже о своем ближайшем друге не можем утверждать со всей определенностью, что он не совершил того или иного греха, не нарушил той или иной заповеди. Пусть каждый испросит совета у своего собственного сердца! Сколько наших собственных порочных или добродетельных деяний остались неизвестными нашим самым близким друзьям?! Скольких добродетелей, которые нам приписывает общество, мы не имеем; сколькими пороками, за которые нас осуждают, мы не обладаем! Только малая толика наших порочных деяний обычно становится широко известной, а из наших добродетелей наибольшая и наилучшая часть, скорее всего, известна только Господу.

Следовательно, мы будем справедливы, верша суд над другими людьми, только если будем духовно щедры; и примем мы на себя

обязанность судить другого, только если будем принуждены к этому; ведь мы так склонны ошибаться, а последствия наших ошибок так невероятно серьезны! Никому нет нужды домогаться судейского поста, поскольку принимая его, он принимает на себя тяжелейший и несомненно гнетущий груз ответственности. Но вы принимаете его, ибо в природе человеческой осуждать ближнего своего за то, за что в тех же условиях он оправдал бы сам себя. Пристально следите, исходя из вышесказанного, за исполнением всех обязанностей, налагаемых вашей должностью, честно и милосердно, дабы, совершая правосудие над преступником, вы не совершили преступления, которое было бы еще более низменно, нежели то, за которое вы его осуждаете, а последствия которого мучили бы вас вечно.

Все же для нас важны грехи, преступления и проступки других людей; но только с точки зрения нашей нравственной дисциплины. Войны и кровопролития, происходящие вдали от нас; подлоги, не затрагивающие наши материальные выгоды, все равно все это затрагивает наши чувства и сказывается на нашем нравственном здоровье. О них следует поразмыслить нашим любознательным сердцам. Общественное мнение может невнимательно отнестись к жертве греха, и этот несчастный может подвигнуть массы лишь на смех над собой или на презрение к себе. Но для масона превыше всего стоит образ священной Человечности; это такое же склонное ошибаться человеческое существо, каков он сам; это покинутая, оставленная всеми, позабытая душа; и в этом случае его мысли — все о той же несчастной заблудшей душе — будут гораздо глубже и пронизательнее, нежели мысли презирающего ее, насмехающегося или же выносящего ей приговор. На все человеческие преступления, всю эту систему бесчестия, отговорок, обмана, несправедливых прибылей, оскорбительных амбиций, из-за которых люди так борются друг с другом, здравомыслящий масон взирает не только как на совокупность подлых методов и устремлений, но и как на священный конфликт бессмертных разумов во имя единомоментных целей. Это сожаления достойная и нечестивая борьба; на нее мы вполне вправе взирать с отвращением; но это отвращение непременно должно перерасти в сострадание. Ибо ставки в этой игре отнюдь не соответствуют тому, что воображают те, кто принимает в ней участие, как не соответствуют они и реальности. Например, вот тот человек делает ставку на общественный пост, но в действительности он получает не его, а возможность растрачивать, льстить, совершать подлоги и обманывать.

Добродетельные люди чересчур гордятся своими добродетелями. Они уважаемы; бесчестие обходит их стороной; они обладают весом и влиянием в обществе; на их ризах нет ни единого пятнышка; ядовитое дыхание клеветы никогда не проникало в окружающий их воздух. Как легко им при такой жизни с презрением взирать на несчастного, опороченного преступника, проходить мимо него, не замечая, подбирать при виде него полы своих одеяний, чтобы не дать ему замарать их своим прикосновением! Но ведь величайший из всех Мастеров Добродетели не поступал так; напротив, Он нисходил до нормального общения с простолюдинами и грешниками, например с падшей самаритянкой, с прочими изгоями и париями древней Иудеи.

Многие считают себя добродетельными, исходя из своих понятий о греховности других. Просматривая свои скрижали, в которых записаны все проступки и упущения их ближних, они зачастую, кроме приличествующей этому процессу озабоченности, испытывают тайное

радостное возбуждение, которое сводит к нулю все их попытки быть сдержанными и мудрыми, даже добродетельными. Многие же испытывают откровенную радость, наблюдая чужие грехи; и так происходит почти со всеми, кто посвящает свое время приятному сравнению своих — добродетельных и чужих — порочных поступков.

Власть нежности так малозаметна в мире; однако существуют всеподчиняющее влияние сочувствия, сила любви, возможность смирить страсть кротостью, всепоглощающая мощь такой совершенной личности, которая сумела бы сочетать в своей душе законный гнев в отношении преступника с сожалением и состраданием к нему. Именно так должен истинный масон обращаться со своими оступившимися братьями. Не со злостью в душе должен он обращаться к ним, не с легковесной простотой, не с гнетущим равнодушием, не с философской холодностью, не с тупой убежденностью в том, что все хорошо, если так утверждает общественное мнение, а с душевной щедростью и с сочувствующей, любящей добротой.

Сердце человеческое не будет безропотно подчиняться всему тому, что ложно и несправедливо в человеческой природе. Если уж оно подчиняется нам, пусть оно подчиняется тому Божественному, что в нас есть. Порочность моего ближнего не должна порочить меня самого; например, его чувственность не должна развивать во мне чрезмерный гнев в отношении его порока, ибо гнев сам по себе тоже есть порок. Мои пороки тоже не должны влиять на пороки моего ближнего. Таким образом, нетерпеливые реформаторы и проповедники - обличители, поспешные хулители и злые родители, надоедливые родственники, — все они заслуживают названия грешников.

Нравственное преступление — это недомогание, боль, потеря, бесчестие для бессмертной стороны человека. Это новая вина и новое несчастье, добавленные к прошлым бедам. Оно само по себе бедствие; но вместе с тем, оно приносит и дополнительные бедствия в виде гнева Господня, порицания добродетельными людьми и внутренней борьбы. Искренне, но одновременно с этим и мягко, и терпеливо ведите борьбу с этим злом! Оно не должно вызывать в вас ни гнева, ни эгоистичного раздражения, ни вашей внутренней борьбы.

Разговаривайте со своим оступившимся братом ласково. Господь сострадает ему; Христос умер за него; Провидение ожидает его; милосердие Небес вопиет к нему; небесное Воинство с радостью готово вновь принять его в свои объятия. Так пусть же ваш голос звучит в унисон со всеми этими силами, востребованными Господом для его нравственного выздоровления!

Если кто - либо обманул вас, и мало того, еще и счастлив этим, именно он, скорее, чем кто - либо из земных тварей, достоин сострадания. Себе самому он нанес несоизмеримо сильнейший ущерб, нежели вам. Именно на него, а не на вас взирает Господь со смешанным чувством гнева и сострадания, и Его суд да станет законом для вас. Из всех благословений Нагорной проповеди ни одно не распространяется на этого человека, в то время как на сострадающих, на миротворцев и на гонимых они изливаются неиссякаемым потоком.

Все мы, люди, обладаем схожими страстями, склонностями и подвержены одним и тем же слабостям. Во всех нас есть такие элементы, которые, при постоянном пренебрежении к высоконравственным идеалам, могут привести к самым ужасным преступлениям. Несчастный негодяй, которого ревущая толпа, торжествуя, гонит к эшафоту, ничуть не хуже

любого из людей, составляющих эту толпу, будь он поставлен в те же условия, в которые был поставлен преступник. Его всенепременно следует наказать, но столь же всенепременно следует ему и посочувствовать.

Нестойким в своей добродетели и просто грешникам негоже жаждать крови даже самых ужасных преступников. Мы должны быть обязаны Господнему Провидению еще и за то, что Он предусмотрел для нас гораздо более достойную добродетель — сострадание. Во всех нас есть то, что могло подтолкнуть нас на тот же неверный путь. Возможно, мы сами пали бы, подвергнувшись и гораздо меньшему искушению, чем он. Возможно мы сами уже совершили в своей жизни проступки, которые, если принимать во внимание степень искушения или сопутствующие мотивы, были не менее предосудительными, чем его, пусть и величайшая, вина. Молчаливое сострадание и сожаление всегда должны примешиваться к нашему гневу. Даже пират, хладнокровно убивший множество людей в море, — такой же человек, каким вы или я могли бы стать. Сиротство или жестокие, невнимательные или недостойные родители; одинокая юность; плохая компания, невежество и недостаток нравственного воспитания; искушение греховными удовольствиями или всеподавляющей нищетой; близкое знакомство с пороком; опороченное и опохабленное имя; растоптанные и сокрушенные привязанности; постоянные неудачи, — вот ступени, которые могли каждого из нас довести до выхода в открытое море под кровавым стягом вселенского отрицания, до объявления войны всему человеческому роду, до того, чтобы жить жизнью и умереть смертью беспощадного флибустьера. Многие наши общечеловеческие чувства вызывают к нам о милосердии по отношению к нему. Ведь и его голова некогда возлежала на материнской груди. Ведь и он некогда был любим и уважаем в своей семье. Возможно, его рука, пусть сейчас и запятнанная кровью ближнего, некогда сжимала другую, тонкую и нежную, руку у алтаря. Так посочувствуйте же ему, его разбитому сердцу и погубленной душе! Именно так должны поступать такие нестойкие в своей добродетели и грешные существа, как мы с вами; мы должны осознавать, что совершено преступление, но осознавать это как слабые, постоянно искушаемые и спасаемые одной Господней милостью существа. Может так случиться, что Господь, взвешивая людские преступления и проступки, принимает во внимание и степень искушения, и сопутствующие обстоятельства, которые привели к ним, а также обстоятельства нравственного воспитания преступника; и также может случиться, что наши собственные проступки будут в этом случае весить больше, чем мы предполагали, а убийство — гораздо меньше, чем на суде человеческом.

В любом случае, пусть ни один масон никогда не забывает прямого указания, которое следует соблюдать в любую минуту нашей на брэнной жизни: «Не судите, и не будете судимы... какую мерою мерите, такую же отмерится и вам»¹. Вот урок, преподаваемый степенью Надзирателя и Судьи.

¹ От Луки, 6:37-38. – Прим. перев.